

ТАК ЛИ УЖ МУДРЫ ВСЕМИ РАЗДЕЛЯЕМЫЕ СЕНТЕНЦИИ?

Уже много лет, как с нами нет Алексея Ивановича Пискунова, и жизнь своей безостановочной текучестью в очередной раз доказывает, что незаменимых людей нет. Но вот что особенно интересно, что делает она это удивительно примитивно и бездушно бездарно. Точно так же, как если бы не стало того или иного сорта колбасы или хлеба, и теперь есть другие сорта. И ничего, сойдёт, есть-то надо. И едят. И причём здесь память? Мешает только.

И все рассуждения о «незаменимости» или, наоборот, «заменимости» человека могут и должны просто переместиться в область беспомощных дискуссий, ничего общего с реальной в своей жестокости и бессердечии действительностью не имеющих. Ведь для большинства дискутирующих или молчащих слова о незаменимости человека ничего, кроме откровенно фразеологической беспомощности, не выражают. Все и всё заменимо. И ничего более убедительного в неопровержимой убедительности этого откровенно циничного утверждения, чем сама история, которую как бы в назидание, изучают в школе, нет. Ибо ни в чём не проявляется так трагичность разрыва между живым человеком, его реальной жизнью и той бесконечной чередой отобранных фактов, фамилий, событий и дат, которые школьнику придётся заучить, чтобы сдать на очередном экзамене. Что он Гекубе, и что она ему? Чистая хронология.

Но живое тянется и всегда будет тянуться к живому, к тому, что хочется, что нравится, что увлекает, и без чего жизнь – человеческая жизнь – не в радость. Но не замечают этого или не хотят замечать те, кто в течение веков твердил и продолжает твердить, что «история учит», что без знания истории невозможно прогнозировать будущее и т.д.

Ну что здесь скажешь? Будущее?.. Может быть. Но к настоящему эта самая «изучаемая история», как не имела, так и не имеет, если, осмотревшись вокруг, говорить серьёзно, никакого отношения. И я в данном случае не буду вдаваться в причинную обусловленность этого трагичного в своей сути разрыва между целями и человеческими надеждами, которые историки и те, кто верит и говорит о преобразующей силе преподаваемой в школе истории, и получаемыми в реальной действительности и результатами, почему-то не замечают. И поэтому даже словечка не произнесу в адрес великого в своей корёжащей сути образования «объективности» и дидактической продуктивности ЕГЭ, а только повторюсь, сказав, что никуда не денешься: незаменимых людей нет. И здесь эта самая-то реальная история нисколько не обманывает. Ибо то, что учат в школе, нужно, чтобы сдать какой-нибудь экзамен.

И всё, что связано с реальной человеческой жизнью, настолько убедительно, жёстко и неопровержимо проявляется в реальной действитель-

ности, что даже те, кто любил и продолжает любить ушедшего из жизни близкого человека, хорошо знают, что он – ушедший – продолжает жить, пока о нём помнят, вспоминают, говорят. И всё. И это – правда. Человек по природе смертен, и этим, если и не всё, то очень многое, сказано.

И то, что ученики Алексея Ивановича Пискунова делают всё от них зависящее, чтобы знали о том, как много он значил в их жизни, и о том, как много он сделал для развития истории педагогики и для них, ставших, благодаря своему учителю, учёными, очень хорошо и правильно. И в этом благородном деле не только реальное и не имеющее цены проявление людской любви, уважения и благодарности, но и – вот она диалектика – самое убедительное подтверждение происшедшей в жизни замены и *заменимости* ушедшего из жизни дорогого человека. В образование пришли другие люди, историю педагогики читают другие преподаватели, студенты и аспиранты учатся у других учителей и становятся их учениками. И эта сменяемость одних людей другими пусть трагичное, но неопровержимое проявление известной в своей скорбной мудрости фразы «такова жизнь». Так ведь?...

Поставив это отточие в заданном вопросе как невысказанное, но, несомненно, наличествующее желание, чтобы не только признали спорность неопровержимой справедливости этого вывода, но и задумались: а зачем и для чего в разговоре об Алексее Ивановиче Пискунове я не только исхожу из неизбежной «заменимости» каждого в нашей быстротекущей действительности, но и, как бы, отмечаю в этом только факт проявления людской благодарности, верности и отдаваемого долга?

А сделал я это «вступление» для того, чтобы в этом разговоре об Алексее Ивановиче Пискунове попытаться осмыслить то, что было в моей жизни с ним связано, и что, как мне кажется, позволяет придти к очень важным для всех нас оценкам и выводам. По сути, во многом опровергающим эту печальную констатацию.

И поэтому прелюдийную ремарку о незаменимости или, наоборот абсолютной заменимости каждого человека я завершил скорбным выводом «такова жизнь». И она действительно и, несомненно, такова в своей природной бездушности. И может быть именно поэтому приходящие в жизнь поколения в преобладающем большинстве своём изначально, по своему природному естеству *отдаются самой жизни, а не абстрактным рассуждениям о ней*. Приобрести желаемое, сделать карьеру, добиться своей цели, стать богаче, испытать наслаждение, сильное чувство, утолить страсть, испытываемую потребность и т.д. – чувства и стремления, которые определяли, и всегда будут определять *не смысл жизни человека, а самую жизнь*. Во всех её проявлениях. И поэтому люди стремятся прожить – так или иначе – но *свою жизнь*. И отсюда – многие следствия, последствия, радость и горе, т.е. всё то, что *не называется, а является жизнью*.

И всё это, конечно, так. Но дело в том, что проблема «незаменимости» или «заменяемости» любого человека мне представляется и намного более глубокой, и существеннее, чем эта плоская констатация, цинично и незыблемо утвердившаяся в общественном сознании, несмотря на все исторически предпринимаемые усилия романтиков и идеалистов. За проблемой «незаменимости» человека скрывается другая, может быть самая главная тайна истинно человеческого бытия, от которой всё, что касается самой жизни, и зависит. И тайна эта в том, что определяет, выражаясь современным языком, *качество жизни*, в том, что такое *человек*, его отношение к другим, и, в первую очередь, к самому себе, своему осознаваемому достоинству, т.е. всё то, без чего собственно *человеческого сообщества нет и, по определению, быть не может*.

И, как это ни странно, с этой позиции, если признать её справедливость, приходится пересмотреть, казалось бы, неопровержимую в своей смысловой и эмоциональной эстетичности фразу «всё начинается с детства», безоговорочно заменив её – на «*отношение к детству*». К этому самому детству, о котором мы, как бы, очень печёмся. Ибо нам давно пора понять, что вместо известного, «что посеешь – то пожнёшь», в мир людских отношений должно придти принципиально другое напутствие – «не затопчи посеянного». Нравственность общества, степень обретения им его собственно человеческого предназначения, в конечном итоге, определяется *не столько его отношением* к общественно значимым ценностям, государству, обществу и тому подобным, несомненно, социально очень значимым проявлениям личности, сколько *её отношением к самой себе*.

Но социум в своей социальной близорукости, в своём неуёмном стремлении добиться всего, как говорят философы, «здесь и сейчас», ставит именно эту ценность далеко не на первое место, стремясь, во что бы то ни стало добиться от этой самой личности неукоснительно соблюдаемой исполнительности. И как некоторым мужчинам бывает, как говорится, «некогда», так и социуму некогда дожидаться пока эта самая личность начнёт требовать от самой себя всего того, что так необходимо этому самому социуму. И получается, что самоуважение, чувство собственного достоинства с точки зрения нынешних воспитателей и вершителей образования чисто умозрительные характеристики, так сказать, «идеальной личности». А, как известно, безгрешных людей не бывает. И контроль, и формально проявляемая требовательность как были, так и остаются не только истинным и единственно эффективным средством, но и даже государственно признаваемым гарантом появления со стороны человека честности, требовательности к себе и столь желанной исполнительности.

И те, кто так не считает, кто хорошо понимает тупиковость логики гипертрофированного контроля, кто не может не видеть этой кажущейся простоты якобы эффективного администрирования и жёсткой обезличенной авторитарности, не только слывут идеалистами, людьми, не «знающими»

ми жизни», не понимающих её законов, т.е. всего того, что позволяет приспособливаться и добиваться успеха, но и становятся для всех чем-то вроде «белых ворон» или того хуже - «чужим среди своих». Ибо, как говорил герой одного известного бандитского сериала, «мечты приходят и уходят, а кушать хочется всегда». И именно эта та жесткая неопровергаемая правда людского бытия, из-за которой незаменимых людей не бывает.

И именно из такой «природосообразной» неопровержимости не извлекались во многом из истории достойные человека уроки, и пока нет даже надежды, что они будут извлекаться. И это та правда, из-за которой стремление человека к обретению своей сути на этой земле, в этой действительности, в своей жизни, как была уделом мечтаний, так и остаётся в пределах оторванной от реального бытия идеалистической рефлексии. И не так уж важно, что в одних исторических условиях - больше, в других - меньше.

Но так уж получается, что из века в век находятся люди, которые оказываются способными вырваться из тисков неотступных жизненных требований и которые не только знают о горьком чеховском признании, как приходится по каплям выдавливать из себя раба, но и обретают это великое преобразующее чувство собственного достоинства, которое единственно и позволяет человеку обрести себя, и, тем самым, воплотить в себе всё то, что делает дитя человеческое *человеком*.

И может быть самая великая заслуга этих людей не только и не столько в том, что они *для себя решили* эту проблему, что доказали жизнью своей ненужность какого бы то ни было контроля, чтобы заставить человека трудиться, как говорится, в поте лица, а делали это *не потому*, что от них требовалось, *не потому*, что контролировали, а потому что человек сам себе не может позволить иначе поступать. И тем самым, они перенимали и перенимают бесценную эстафету великого человеческого чувства собственного достоинства, и не дают погаснуть вере в безграничные возможности самой личности. И что особенно важно и, по сути, социально неопределимо.

Историческая значимость воплощаемого в реальной действительности этими людьми в том, что благодаря этим людям достоинство личности обретает ни с чем несравнимую ценность, и при этом не является героическим поступком, не требует ни исключительного мужества, ни выдающихся способностей. А заявляет о себе не одноактным поступком, а всей жизнью человека, для которого чувство собственного достоинства и самоуважения стало такой же необходимостью, как любая другая, пусть и *особая* жизненная потребность, без которой он просто жить не может. И именно в этой имманентности чувства собственного достоинства буквально историческая значимость жизни таких людей, как Алексей Иванович Пискунов. И это его жизнь- трудовая, профессиональная, личностная – удивительное

доказательство той роли, которую играют в людской жизни люди, обретшие, казалось бы, вопреки всему это великое преобразующее чувство.

И может быть именно эти обобщённые выводы и суждения человека, который в течение полувека знал А.И.Пискунова, хотя и не был особенно с ним близок, как его ученики и аспиранты, имеют особый смысл и объективную в своей достоверности значимость. Ибо они основаны на таких конкретных фактах, которые и дают основания для таких выводов и утверждений

Моё знакомство с А.И.Пискуновым, если это можно назвать знакомством, состоялось в 1960 году на вступительном экзамене в аспирантуру. Естественно, что он был экзаменатором, а я тем, кого экзаменуют. Но надо сказать, что пришёл я в аспирантуру после многих лет работы в школе и особой ученической робости не испытывал. Как говорится, попытка не пытка. Да – хорошо, нет – так и будет. И, наверное, в силу провинциальной простоты понимания происходящего и уже своего опыта общения с учащимися, казалось, что экзамен это своеобразная форма беседы, в которой тебе предоставляется возможность высказать не только, что ты знаешь по заданному в билете вопросу, но и что ты по этому поводу думаешь. А там уж, как получится. С этими похвальными мыслями я и направился к экзаменационному столу.

Напротив меня сидел человек с резко очерченным и сразу же запоминающимся лицом и ничего особо не обещающим, лишённым какой бы то ни было проявляемой благожелательности взглядом. И предстоящий разговор со мной как бы был для него той работой, которую надо выполнить, и от которой ничего особо интересного и не ждешь. Работа как работа. Я вообще-то физиономист никакой. Но в силу учительской профессии, что – ли, не чувствовать отношения собеседника к тому, что говорю, просто не могу. И если собеседнику не интересно, а экзаменатор ведь тоже собеседник, то значит, что он, конечно, хоть как-то слушает, но совершенно точно, что *тебя не слышит*. И я отчётливо понимал, что он, конечно, получает формальную возможность оценить мои проявленные знания, но я своим ответом лично в нём ничего лично значимого не задеваю. Нас, сдающих десятки, а он – один. Профессиональная и во многом спасительная адаптация, что не так уж трудно заметить, не может со временем не проявиться в любом экзаменаторе. Но каково говорящему, желающему быть услышанным?!

Но мой экзаменатор молчал, и как бы безучастно продолжал выслушивать мои ответы на вопросы билета. И мне ничего другого не оставалось, как продолжать отвечать. И как сидели напротив друг друга два незнакомых, впервые встретившихся человека, решающих две во многом противоположные задачи, так и продолжали участвовать в этой формальной процедуре. И я, переходя к третьему и последнему вопросу, смирился, и уже понял, что мне не удастся в сложившейся ситуации ничего изме-

нить, и для него встреча со мной будет ничего не значащим событием, а для меня – той или иной, пусть и очень важной, но формально выставленной оценкой.

Но вдруг происходящее кардинальным образом преобразилось. И произошло это после того, что я, говоря о великом «социалисте-утописте» Роберте Оуэне, сказал, что «он *не представляется* мне утопистом». Алексей Иванович резко наклонился к столу, и как-то откровенно удивлённо, но без какого-либо снисходительного ехидства произнёс «Да-аа?!». И исчезло во мне ощущение формального характера происходящего. За этим и таким образом заданным вопросом я буквально почувствовал возникшую с его стороны искреннюю заинтересованность, превращающую ученическую мучительность экзамена в возможность не только донести до другого человека свои знания, но и то, над чем думал, о чём сложилось, пусть и неправильное, но *своё мнение*. И мой экзаменатор уже не только заинтересованно меня слушал, но и, по сути, превратил экзамен в беседу.

А то, что так поступил не кто-нибудь другой, а именно Алексей Иванович Пискунов, я смог по-настоящему понять и оценить через много лет нашей совместной работы. Ведь Алексей Иванович, будучи откровенно и нескрываемо категоричным человеком, не только не любил, но и резко реагировал на любое возражение. И не так просто было выдержать ироничную едкость его полемических реакций. Но тогда, на экзамене проявилась его искренняя заинтересованность и нескрываемое желание понять, какие аргументы могут лежать в основе такого откровенно парадоксального мнения, высказанного этим «кандидатом в аспиранты». И может быть он действительно чего-нибудь стоит? А я, почувствовав его заинтересованность, принялся доказывать, что «утопист» - это оценка, которая конкретно-исторична, и поэтому может быть переосмыслена и переоценена, а сам факт существования Нью-Ленарка неопровержимо доказывает не только реалистичность осуществлённой идеи, но и реально созданного опыта, который может быть и должен быть педагогически обобщён, и – следовательно, так или иначе, исторически в соответствующих условиях воспроизведён. И эти идеи, и этот опыт объективно вошли в анналы и общечеловеческой, и собственно педагогической истории. И вот после этих, наверное, избыточно эмоциональных моих высказываний полностью испарилось ощущение экзамена, и мы просто вместе начали, буквально «по косточкам», разбирать педагогическую суть опыта, созданного великим мыслителем, а я как-то очень явно осознал и запомнил как событие в моей жизни, с каким специалистом-историком довелось встретиться и, благодаря такой жизненной удаче, навсегда сохранить в душе благодарность к человеку, максимально высоко оценившему мои ответы и, тем самым, давшему мне «добро» на поступление в аспирантуру.

А нынешним аспирантам, к сожалению, даже не понять и не представить, что представляла собой аспирантура в те, 60-е годы. Какая была в

институте, руководимом Ф.Ф.Королёвым, атмосфера, какой научной школой и по настоящему дискуссионным ристалищем был учёный совет, какие образцы полемического мастерства олицетворяли в своих выступлениях В.А. Вейкшан, В.Е.Гмурман, М.А.Данилов, Б.П.Есипов, Р.Г.Гурова, Л.В.Занков, М.И.Кондаков, Э.Г.Костяшкин, Б.М.Ширвиндт и часто посещавшие его заседания Н.К.Гончаров, Э.И.Монозон, М.А.Арсеньев, впоследствии ставший его директором! А аспиранты сразу же включались в работу лаборатории, и, при этом, грубо говоря, не на подхвате, а в качестве авторов плановых работ. По крайней мере, в лаборатории «Общей педагогики», руководимой Б.П.Есиповым, а затем Н.И. Болдыревым, было именно так.

Но в аспирантские годы близко сотрудничать с Алексеем Ивановичем мне не довелось. Но его профессиональная деятельность проходила на моих глазах, и я не мог не знать, как в институте к нему относились. И в этой связи надо, как представляется, сказать вот что. Каждый человек занимает в своей среде, в общественном мнении то или иное место. И это чрезвычайно важно учитывать, когда речь идёт об Алексее Ивановиче Пискунове. Ибо место, им занимаемое, определялось в сравнении и прямом сопоставлении с людьми, которые и тогда, и сейчас составляют гордость отечественной, советского периода, педагогики. Но он не только не затерялся, не стал, как говорится, одним из многих, а действительно обрёл *своё имя* и полное признание в той, по-настоящему научной среде. Но не только знания, высочайшее трудолюбие и соответствующая ему эрудиция определяли в несомненно очень сложной по своему уровню педагогической среде отношение к каждому сотруднику и, естественно, к Алексею Ивановичу. Но, несомненно, что самым значительным фактором проявляемого к нему отношения были личностные особенности его характера и тех присущих ему духовно-нравственных установок, которые не только выделяли его из общей массы, но и, как правило, очень мало, мягко говоря, способствовали его научной карьере, а точнее - всемерно затрудняли её. И из множества известных фактов, ярко проявлявших особенности характера А.И.Пискунова, приведу только такой, представляющийся мне чрезвычайно значимым.

По поручению Президиума АПН СССР Алексей Иванович написал текст доклада для Президента АПН СССР, Героя Социалистического Труда, члена ЦК КПСС И.А. Каирова, который на официальном совещании, как теперь принято говорить, был «озвучен», т.е. прочитан. Ну, написал и написал. Такая практика и в те времена была не в новинку. Но не в этом случае. А в этом возникшая ситуация привела к очень глубокому и открыто публичному конфликту. Ибо Президент, прочитавший доклад, счёл возможным его опубликовать. И опубликовал...

И здесь я прерву своё повествование, чтобы задать совсем не риторический вопрос: «Как бы поступил любой старший научный сотрудник,

если бы столь высокий руководитель опубликовал под своим именем прочитанный, но не им написанный доклад?». Алексей же Иванович поступил так: опубликовал этот текст под *своим именем* в журнале «Народное образование». В результате – в двух разных журналах появились идентичные тексты, подписанные разными авторами. И очень жаль, что я не обладаю гоголевским талантом, чтобы описать всё то, что после всего этого произошло, и до каких публичных высот докатился этот скандал!

И всё потому, что не мог себе позволить Алексей Иванович стать в позу услужливого лакея, и - не стал. И вот что не может быть всеми непонято, какую цену был вынужден заплатить за такой поступок. И забегая, скажу, что и в дальнейшем так «платить» ему приходилось не единожды и за многое. И категоричность моих утверждений основана на том, что не однажды пришлось в такого рода ситуациях оказываться рядом с ним.

Так получилось, что, уже, будучи директором нашего института, Алексей Иванович назначил меня заведующим лабораторией методологии педагогической науки. А сотрудниками этой лаборатории были Н.И. Болдырев, В.Е. Гмурман, Г.В. Воробьев, Ю.П. Азаров, В.М. Полонский, Л.П. Аристова и ещё ряд известных в педагогических кругах учёных. И говорю я об этом, чтобы опять-таки подчеркнуть присущую Алексею Ивановичу способность принимать столь непростые решения. Но однажды, уже после двух лет работы в этой должности, он вызвал меня и сказал: «Я должен перед Вами, Яков Семёнович, извиниться. С завтрашнего дня на должность заведующего вашей лабораторией по прямому приказу Президента АПН СССР приходит назначенный им человек. И я, как Вы понимаете, не выполнить его приказ не могу. Так что, поймите меня и извините».

Выслушав его, я сказал: «Не расстраивайтесь, Алексей Иванович. Пусть приходит». На этом и расстались. Но прошёл день, другой, неделя прошла, а никто не приходит. И так продолжалось в течение достаточно длительного времени. Но однажды, Алексей Иванович вновь вызвал меня и спросил: «Почему Вы не интересуетесь и не спрашиваете, что случилось, из-за чего этот человек не приходит?».

- А чего спрашивать? - ответил я. - Мы ведь, кажется, всё обговорили. И если нужно будет, Вы мне расскажете».

- Так вот, - сказал Алексей Иванович, в тот день, рано утром позвонил мне назначенный Президентом человек и сказал, что прямо сейчас собирается выйти на работу. На что я ему ответил: «Конечно, это Ваше право. Но я плохо себе представляю, как мы с Вами, назначенным через мою голову руководителем института, без какого-либо согласования со мной сработаемся. И полагаю, что Вы не можете над этим не задуматься. Ответа я не дождался. С той стороны повесили трубку».

Так поступил Алексей Иванович Пискунов. А если я назову фамилию Президента, то совсем нетрудно будет понять тем, кто знает, как много нужно было принципиальности, решительности и мужества, чтобы поз-

волить себе поступить именно так. Ибо этим Президентом был Всеволод Николаевич Столетов.

Но проявленная принципиальность во все времена оплачивается дорогой ценой. И Алексей Иванович, несмотря ни на что, платил эту цену в течение всей своей жизни, И цена эта была не только сугубо психологической, но и должностной. Вверх – по заслугам, вниз – плата за гордость, принципиальность, проявленное чувство собственного достоинства.

А оно – это чувство – было присуще никогда не изменяющей самой себе, но очень сложной и противоречивой личности. И противоречивость эта, откровенно проявляющаяся, с одной стороны, и в откровенной жёсткости оценок и других людей, и в мнениях о них, и в столь же откровенной и прямой критичности анализируемых работ, и в полном отсутствии показной и неразборчивой демократичности, и в нескрываемом субъективизме отношений, при котором уважение не авансировалось, а его надо было заслужить, с другой же – буквально детская доверчивость, неизменяемая верность и преданность тем, кто, как говорится, по душе, кто оказался на высоте тех требований, которые предъявлялись к себе и другим. И это я тоже знаю не понаслышке. Я был свидетелем, когда Алексей Иванович в пору близких отношений с Э.Д.Днепровым, которому именно он дал дорогу в педагогику, подписывал чистый лист только готовящегося текста очень важного документа. И так поступал Алексей Иванович, будучи весьма и весьма недоверчивым и очень ответственно относящимся к каждому слову в любом документе. И наверное, правильно, что Эдуард Дмитриевич, зачитывая открытое письмо Алексея Ивановича учёному сообществу РАО, пусть хоть и с большим опозданием, но всё же публично извинился перед А.И. Пискуновым, признав свою неправоту. Ибо такие разрывы отношений с близкими людьми были для Алексея Ивановича, умевшего проносить в течение десятилетий, по сути, через всю жизнь чувство дружбы, были мучительны и невероятно трудно-переносимы. И об этом я знаю от тех, кто был этими друзьями. Марина Порхунова, Клара Болдырева, Ольга Богданова с аспирантских времён были «Алёшкиными друзьями», и пронесли через всю жизнь верность этой дружбе. Он же был всегда для них тем добрым ангелом хранителем, который без каких-либо просьб приходил всегда на помощь, всегда в трудную минуту оказывался рядом. И ничего, кроме восторженных оценок о нём, никогда не пришлось от них услышать. А эти слова, идущие от чистого сердца людей умных, много повидавших, не избегнувших многих жизненных превратностей, дорогого стоят.

Я мог бы еще и ещё приводить факты, в которых удивительно ярко проявляется сущность личности, для которой чувство собственного достоинства было в течение всей сложно прожитой жизни судьбоносной основой, не только определявшей каждое слово, но и превращающей его в поступок. Безотносительно к тому, какая за это может последовать расплата.

И именно из этой силы присущего личности чувства собственного достоинства произрастают и не могут не произрастать все великие и жизненно необходимые человеческому сообществу духовно-нравственные ценности. И столь важное для человека «быть, а не казаться», столь ярко воплощённое в жизни Пискунова Алексея Ивановича, пожалуй, самое убедительное доказательство всемогущества личности, судьбоносный стержень которой определяется самым основным критерием, по сути, делающим человека человеком, чувством собственного достоинства. И проживаемая такими людьми жизнь начисто не только опровергает близоруко-потребительское утверждение «незаменимых людей нет», но и доказывает, что они исторически неизбежно есть и обязательно должны быть. Потому что без них всё, что составляет суть бытия человеческого сообщества – принципиальность, требование к себе, верность в дружбе и честность в любви – по определению – лишается смысла.